

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ КОДИФИКАЦИЯ СЕГОДНЯ И КОЛЛЕГИАЛЬНОСТЬ НОРМАТИВНЫХ РЕШЕНИЙ

Ключевые слова: орфография, норма, вариативность, кодификация, правила правописания, Орфографическая комиссия, коллегиальность.

Keywords: orthography, norm, variability, codification, spelling rules, Orthography Commission, collegiality.

Рассмотрены проблемы формирования орфографической нормы в условиях современной языковой ситуации. Отмечается недостаточная разработанность принципов кодификаторской деятельности в орфографии. Утверждается необходимость выработки коллективных решений, касающихся наиболее значимых случаев, на базе Орфографической комиссии РАН.

This article is devoted to the formation of spelling rules in a modern language situation. There is insufficient elaboration of the principles of codification activities in spelling. Emphasized is the need for reaching collective decisions on the most important cases on the basis of the Orthography Commission of the Russian Academy of Sciences.

Современный этап работы воссозданной Орфографической комиссии РАН начался с обсуждения «Свода правил русского правописания», подготовленного в секторе орфографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Суть этой работы отражена во многих научных публикациях (из последних см., напр., [Лопатин 2009], [Кузьмина 2008]). Как известно, новый свод правил был призван обновить единственный официально узаконенный кодифицирующий орфографический источник – «Правила...» 1956 года, по понятным причинам уже давно не отражающие современное состояние русского письма.

Обсуждение проекта «Свода...», вышедшего в 2000 году и затем претерпевшего несколько этапов научной редакции, вылилось в бурную общественную дискуссию, перешагнувшую рамки академических структур и продолжившуюся на страницах прессы и в электронных СМИ. Наибольшее внимание привлекли предлагавшиеся первоначально немногочисленные изменения в написаниях, от большей части которых впоследствии было решено отказаться (*брошура, госьязык, конвеер* и нек. др.¹). В ходе обсуждения были высказаны критические точки зрения, иногда полярные, не всегда компетентно обоснованные и выражающие общественную ситуацию того времени – раскованность в выражении своих взглядов, нигилизм по отношению к авторитетам, экспрессию вплоть до эпатажа, склонность к конфронтации. Собрание данных публикаций могло бы составить любопытный документ, своеобразный «портрет эпохи».

---

¹ См. [Свод правил русского правописания 2000: 377–393].

Перед Орфографической комиссией на том этапе была поставлена задача рассмотреть проект нового свода правил и утвердить его. Было проведено рецензирование, некоторые члены комиссии дали свои отзывы на промежуточные и окончательный варианты текста. Были получены отзывы и из ряда научных организаций и вузов нашей страны, содержащие разные оценки представленного труда. Стремление авторов проекта учесть все замечания натолкнулось на невозможность примирить некоторые точки зрения (напр., одни рецензенты указывали на чрезмерное количество иллюстративного материала, другие – на его недостаточность, неисчерпанность). Были также замечания, требующие изменения концепции проекта. В результате в ходе многочисленных заседаний комиссии, на которых рассматривались частные проблемы орфографии и звучали различные точки зрения, было вынесено коллегиальное решение: одобрить представленный свод. Орфографическая группа ИРЯ им. В.В. Виноградова внесла последние исправления, и в 2006 году работа была впервые издана в виде академического справочника.

Т. М. Григорьевой подмечена параллель между деятельностью по усовершенствованию орфографии в конце 19-го века и столетие спустя, в конце 20-го: как в свое время Орфографической комиссией Р.Ф. Брандта был разработан и затем опубликован проект орфографической реформы, так на исходе минувшего века был разработан и опубликован новый свод [см. Григорьева 2004: 245]. При этом обсуждались и были приняты решения относительно частных случаев правописания, возможностей изменения конкретных правописных норм. Нам представляется, что в изменившейся языковой ситуации наряду с вопросом «надо ли менять данное написание или оставить прежнее» полезно было бы коллегиально обсудить вопрос: «на каких основаниях меняются написания, какие тенденции действуют в данный момент на письме и существует ли убедительная возможность прийти к тому или иному определенному решению», т.е. определить принципы нормирования.

Что показала прошедшая дискуссия и продолжает показывать любое общественное обсуждение орфографических проблем? Такие обсуждения, а также стихийная письменная практика показывают, что

- кодифицирующие источники как прежде, так и сейчас страдают неполнотой описания письменной системы языка и отвечают не на все вопросы, связанные с нормами письма;

- в отношении к словарной норме (особенно в условиях распространения межсловарных вариантов) в обществе зародился относительный скептицизм; в среде профессионально пишущих усиливается личностное начало, появляется представление о том, что возможна индивидуальная норма написаний, а правила обязательны не всегда и не для всех;

- принципы нормирования в орфографии разработаны недостаточно, что оставляет некоторый простор кодификаторскому субъективизму, реализуемому на практике при словарной кодификации;

- отсутствует четкое представление о тенденциях, действующих в настоящий момент в письменной сфере и определяющих в проблемных случаях спонтанный нормативный выбор;

– неясна роль узуса в условиях распространения вариативности при определении нормативного написания: игнорирование узуальных предпочтений равно как и слепое следование за ними не приводят к желаемому результату; неясна степень надежности узуальных показателей употребления орфографических вариантов на этапе становления нормы;

– не определены пропорции между стихийным и сознательным при решении вопросов стандартизации письма, т.е. не обозначены границы допустимого вмешательства лингвистов в языковой процесс формирования нормы;

– решения, принятые не коллегиально (напр., автором словаря), не всегда находят поддержку в обществе; предлагаемое нормативное решение не принимается «на веру», необходимо понятное и доступное всем интересующимся обоснование принятых написаний.

Обсуждение проекта правил в 1990-е – 2000-е годы и изданного в то же время «Русского орфографического словаря» пришлось на период «языковой смуты» [Мокиенко 2011], связанный с переходными явлениями в истории нашей страны. В это время в письменном языке были нарушены традиционные отношения внутри триады узус–норма–кодификация, усилилось субъективное начало как среди пишущих по-русски, так и в самой нормализаторской деятельности. Время рубежа веков характеризуется «стремлением к тотальному обновлению», изменениями ради изменений, «повышением темпов языковой динамики» [см. Костомаров 1999]. Это не могло не привести к расшатыванию нормы, в том числе и в орфографии. Реакцией на доперестроечную «жесткость нравов» стала «орфографическая раскованность». Все это хорошо описано в [Григорьева 2004], [Кузьмина 2008] и др. Кроме того, возникли новые явления, прежде всего – поток иноязычных заимствований, что требовало установления для них нормы написаний при отсутствии соответствующих правил, за чем последовали их поспешные и непродуманные словарные фиксации. К естественным проблемам, вызванным развитием языка, добавились искусственные, надуманные (напр., проблема якобы «обиженной» буквы "ё"). Появление на рынке множества новых словарей очень разного качества усугубляло ситуацию. Необходимо также иметь в виду, что для большинства русских читателей характерно неразличение нормативных и ненормативных словарей, отношение к любому печатному слову как к некому императивному установлению. В результате читателя все чаще стал волновать вопрос, откуда берется орфографическая словарная норма (особенно применительно к неологизмам). Традиционная система нормирования на этот вопрос ответа не дает: между осмыслением оснований правописания и императивностью соблюдения кодифицированной нормы до сих пор акцент был смещен в пользу последней.

Следует заметить, что при очевидном усилении вариативности письма расшатывание норм не тотально; зона орфографической нестабильности имеет свои границы, однако она включает именно то, что является предметом повышенного интереса, а именно – новые (и особенно заимствованные) слова.

Не менее проблемной, как известно, является категория сложных прилагательных (*горно(-)артиллерийский*, *конно(-)спортивный* и под). В зону неустойчивых написаний попадают также прописная буква (*папа римский* или *Папа Римский*, «*Тойота*» или «*тойота*»), некоторые случаи употребления частицы "не", наречия (напр., мало кому понятные различия у пары *вглубь – в глубь*, а также орфограммы типа *вразрез – в разрез*, *сходу – с ходу*), образования с приставками перед корневым "и" (*преды/инфарктный*, *сы/импровизировать*) и нек. др. В основе таких колебаний часто лежит объективная возможность применить различные и при этом равным образом оправданные мотивации при выборе написания. Так, известно, что к сложным прилагательным применимы одновременно семантико-синтаксический и формально-грамматический принципы написания (об этом много писалось, см., напр. [Кузьмина 2008: 401]); слово *ра/озыскной* можно рассматривать и как производное от *розыск* (а производные у нас сохраняют орфографию производящих) и как подпадающее под правило о безударной приставке *раз-* (в отличие от ударной *роз-*); *арома/отерапия* [англ. *aromatherapy*] является примером конфликта между передачей иноязычного написания слова и применением правила о соединительной гласной при образовании сложных слов в русском языке; *видео(-)арт* можно писать слитно, как другие образования на *видео...* (*видеокассета*, *видеомагнитофон*), а можно через дефис, по иноязычному образцу, с аналитическим прилагательным в первой части, как другие слова на *-арт* (*тату-арт*, *копи-арт*, *соц-арт*); подробнее об этом см. [Нечаева 2012(б): 149–152]. Каждому конкретному решению во многих случаях можно противопоставить другое, которое объективно ничем не хуже с определенной точки зрения, и выбор между ними порой достаточно условен.

Научное обоснование нормативного выбора – потребность времени. Как пишет В. Г. Костомаров, «чтобы люди слушались "Свода...", он должен стать из приказного, командно-императивного объяснительным, ориентирующим и не чуждаться объективно возникающих новшеств, вообще меняющегося вкуса» [Костомаров 1999: 281]. Добавим, что это должно касаться не только правил, но и словарной нормы. До сих пор считалось необходимым обнародовать лишь результат кодификации. Однако читателя волнует вопрос, не только *КАК* должно писаться слово, но и *ПОЧЕМУ* оно должно писаться так, а не иначе. Проблема в том, что ответить на этот вопрос порой не могут и сами кодификаторы. Поэтому в центр научного внимания должно быть помещено не определение частных, пословных орфограмм, а разработка о б щ и х принципов правописания применительно к целым категориям слов. Системное выявление факторов, которые влияют на написание слова, а также определение критериев, которые используются при кодификации – в целом не решенная на сегодняшний день задача теории нормирования.

Недостаточная разработанность принципов нормализаторской деятельности в орфографии отмечалась еще в самом начале века [см. Кузьмина 2003: 232], но до сих пор на этом направлении нет прогресса. Разумеется, принципы нормирования должны быть выработаны не умозрительно, а с учетом тенденций, действующих в письменной сфере (выявление которых

является отдельной нелегкой задачей), обсуждены коллегиально и доступны всем заинтересованным. И начать можно с анализа кодификаторских просчетов, т.е. не оправдавшихся на практике кодифицированных написаний. Попытка такого анализа на материале иноязычий предложена в [Нечаева 2012(а)]. Так, а) неудачи в упрощении удвоенных согласных актуализируют в новых языковых условиях известную проблему соотношения написания с фонетической позицией для консонантного удвоения в слове: прежде чем приступать к конкретным орфограммам, необходимо на основании теоретических исследований решить вопрос о роли фонетической позиции для сохранения удвоения во всех типовых случаях; б) выросший за последнее время ряд исключений – слов с буквой «э» после согласной (*рэкет, рэп, фэнтези, сэндвич* и др.) – рождает вопрос о правомерности выделения именно этих слов в качестве исключений: как это связано с характером предшествующей согласной? В упомянутой статье предлагаются возможные ответы на эти и подобные вопросы, но окончательное решение должно быть коллективным. Наличие коллективного мнения в подобных спорных случаях поможет сформировать определенные принципы нормирования для дальнейшей нормализаторской практики, которая благодаря этому может стать более последовательной. Думается, что не единство конкретных орфограмм при спорности оснований создает упорядоченность, а согласованное отношение к спорным явлениям.

Но вернемся к Орфографической комиссии². Последнее ее заседание, состоявшееся 28 марта 2012 года, было посвящено теме «Вариативность в орфографии и проблема кодификации». Обращение к теоретической теме не случайно. Дело в том, что в настоящее время речь идет об уточнении концепции Орфографической комиссии как коллегиального органа Академии наук. До сих пор роль комиссии заключалась в одобрении (или неодобрении) орфографических проектов, имеющих общенациональное значение, утверждение которых требовало соблюдения принципа коллегиальности. Так было с обновленной редакцией «Правил...» и с двумя изданиями «Русского орфографического словаря» (1-м и 4-м, исправленным и дополненным, в момент написания данной статьи только что вышедшим из печати³). Но в связи со сложностью современной орфографической ситуации и нерешенностью вопросов упорядочения письма представляется целесообразным и очень желательным участие членов комиссии в выработке собственных коллективных решений. Из органа утверждающего комиссия должна превратиться в орган принимающий решения, поскольку решения в сегодняшней неоднозначной языковой ситуации должны быть коллегиальными. Столкновение различных точек зрения в публичной дискуссии поможет выявить разногласия, примирить позиции (насколько это возможно) и прийти к некому, пусть компромиссному, но все же общему знаменателю. Члены комиссии имеют право предлагать

² Состав Орфографической комиссии РАН опубликован на сайте Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН: <http://www.ruslang.ru>.

³ См. [Русский орфографический словарь 2012].

любые темы для обсуждения и, по желанию, выступать с докладами. Заседание, посвященное орфографической вариативности – первое в этом ключе.

Отношение к вариантам на письме – одна из актуальных и наиболее спорных проблем сегодняшнего дня. Как уже отмечалось, вариативность очень распространена в современной письменной практике, и признаков ее преодоления в данный момент не наблюдается. Это наводит на мысль о возможности учитывать письменные варианты при фиксации новых слов в словаре. Как к этому относиться и каковы могут быть способы реализации такого подхода – эти вопросы требуют серьезного научного обсуждения.

На заседании 28.03.12 членами комиссии было сделано два доклада (д. ф. н. А. Д. Шмелев, к. ф. н. И. В. Нечаева). Было отмечено наличие двух типов орфографических проблем: а) выбор правильного написания и б) как это подать в правилах и словаре. Прозвучала точка зрения (могущая показаться дискуссионной), согласно которой кодификация в орфографии принципиально не отличается от кодификации прочих языковых норм. Грамотное письмо в ряде случаев допускает вариативность. Если в разных изданиях одного словаря даются различные написания слова (что, как мы знаем, порой имеет место: при наличии достаточных оснований написания могут корректироваться с течением времени), – это означает, что они оба правильные.

Далее был изложен взгляд на вариативность в подсистеме заимствований как в наиболее проблемной зоне русской орфографии. Затронуты два аспекта этого вопроса: а) причины орфографической вариативности у заимствований и б) отражение вариативности в кодификации. Как уже было сказано, в качестве основной причины вариативности у заимствований можно назвать двоякую мотивированность ряда написаний. Наша орфографическая система допускает в ряде случаев возможность двоякой записи слов, и выбор между ними часто – это вопрос субъективных предпочтений. По словам академика Я. К. Грота, «как ни разумно требование единообразия в правописании, это требование не должно быть безусловным. Надобно уметь отличать важные разногласия от неважных» [Грот 1876: 177–178]. Колебания у заимствований, как правило, вызваны разногласиями «важными». Примеры таких разногласий:

– традиционный конфликт транслитерации и транскрипции, осложненный неясностью произношения слова (или его вариативностью): *стретч* / *стреч* [англ. stretch], *китч* / *кич* [нем. Kitsch] и под.;

– противоречие между иноязычными фонетико-орфографическими свойствами слова и его русской фонетической адаптацией: слова типа *ресепш(е)н* [англ. reception (risɛpʃən / risɛpʃən)], а также *бедж* / *бейдж* [англ. badge (bædʒ)], *сешен* / *сейшен* [англ. session (seʃən)] и под., где имеет место появление i-образного звука, не предполагаемого точной передачей этимона;

– передача произношения иноязычного слова в противовес опоре на морфологический принцип русской орфографии: у слова *ремейк* / *римейк* [англ. remake] и под. в первом слоговом этимоне произносится гласный [i]; словарь же предлагает писать это слово, как другие слова на *ре...*, которые являются префиксальными образованиями: *реанимация*, *регенерация*, *реинкарнация* и др. – с буквой “е”;

– противоречие между формально-графическим подходом, применяемым в правиле, и отражением фонетических свойств слова (в этимологии или в реальном употреблении):

риелтор по правилу (после буквы “и”) пишется с “е”, но в реальной практике этот вариант не закрепляется – наоборот, употребительнее *риэлтор*, что является отражением произношения (в котором отсутствует йотация)

и др. Как видим, «разногласия» связаны с возможностью неоднозначного истолкования лингвистического случая либо с произвольным применением разных критериев нормирования. Что касается вопроса об отражении вариативности в кодификации, то дело заключается даже не в том, что свобода в выборе варианта связана с большей демократичностью языковой практики и большей толерантностью (что соответствует духу времени), а в том, что мы на сегодняшний день не располагаем инструментом определения правильности написаний. (Узус в этом отношении ненадежен, так как в нем сосуществуют разные, в том числе ошибочные, написания и нет достаточно надежного способа определить, что принимается узусом, а что нет; так что о применении критериев нормативности, таких как устойчивость и общепринятость, речь вообще не идет). При этом вариативность не должна отождествляться с таким положением, когда все будут писать произвольно, «как хотят», и на письме воцарится хаос. Этого вполне можно избежать, если иметь в виду, что вариативность вовсе не означает отсутствия отбора и поддается упорядочению. Вариативность можно ограничить, опираясь на лингвистические основания написаний, т.е. а) исключить графически неправильные (в соответствии с определением А. А. Зализняка⁴) записи слов и б) учитывать некоторые лингвистические закономерности, касающиеся освоения заимствований русским языком; см. об этом уже упомянутую статью [Нечаева 2012(а)].

Членам комиссии было предложено ответить на следующие вопросы:

- можно ли утверждать, что действующие на письме тенденции ясны, однозначны, непротиворечивы и могут служить основанием для кодификации новых слов?
- что целесообразнее предпочесть в трудных случаях: фиксируемое словарно колебание нормы или условность и неполную надежность принимаемых решений?
- оправданна ли нормативная градация *рекомендуемо – допустимо – ошибочно* вместо дихотомии *правильно – неправильно*, принятой сейчас?⁵.

В ходе обсуждения присутствовавшими членами комиссии были высказаны различные точки зрения. Была отмечена разумность постановки вопроса и тот факт, что высказанные предложения не разрушают основные принципы русской орфографии. Что касается заимствований, то относительно приведенных примеров могут быть приняты двойные написания. В принципе следует ограничивать языковые зоны, на которые распространяются варианты. Отмечено, что вариативность как понятие важна также для общественного сознания, а не только для языка. Как выявить тенденцию, если уничтожить варианты? Если говорить о словарной фиксации орфографических колебаний, то это следует делать именно в академическом словаре с целью отражения

⁴ Графически правильной является такая запись слова, которая, будучи прочитанной по основным правилам чтения данного языка, дает именно ту фонетическую последовательность, которая записывалась.

⁵ Имеются в виду не словарные пометы, а принципиальный подход к нормированию, способ нормативного мышления, парадигма которого включает ряд альтернативных возможностей, подсказанных естественным развитием языка.

современного состояния языка (а в школьных словарях – отбросить), при этом продумав вопрос подачи. Если же принимать условное решение, оно может не найти поддержку в узусе. Мы можем этого не замечать, но в этом случае мы обманываем себя или общество. Кодификация, опережающая складывание нормы в узусе, расшатывает норму. Читатель обращается к словарю, чтобы узнать, как правильно писать слово, но иногда составители сами не знают ответа на этот вопрос. В этой ситуации можно ответить произвольным образом, а можно честно сказать: «я не знаю».

Противоположная точка зрения заключалась в представлении о том, что орфография – система авторитарная, и поэтому даже неудачные кодификаторские решения должны исполняться. Следует выделить только варианты личных имен, отчеств и фамилий, закрепив их нормативным актом, при этом показывать в фамилиях букву "ё". В ситуации нестабильности существование вариантов провоцирует скептическое отношение к кодификации. Варианты надо свести к минимуму. Вариативность – очень вредная вещь. В наше бескультурное время норма должна быть строже. Узус на нас давит, но вводя в орфографический словарь варианты, мы открываем опасную дверь. Надо различать словари для общества и словари для специалистов. «Русский орфографический словарь» – словарь народный; в основном корпусе словаря варианты давать не следует. Традиция академических словарей состоит в том, чтобы не допускать варианты. Не следует менять эту традицию.

В итоге было констатировано, что в ходе дискуссии произошло смешение двух различных вопросов: как выбирать написание и как его подавать. Отмечена необходимость различать вопросы исследовательские и кодификаторские. Было предложено членам комиссии подумать о том, что попадает в настоящее время в зону вариативности, чтобы впоследствии сравнить наши представления.

Таким образом, на мартовском заседании ОК было положено начало обсуждению наболевших проблем письменного языка. На наш взгляд, дискуссия обнаружила различия в отношении членов комиссии не столько к вариативности, сколько к орфографической норме. Одни члены комиссии исходят из того, что норма правописания формируется естественным образом в процессе употребления слова через вариативность, а деятельность лингвистов должна быть направлена на выявление сложившихся норм и закрепление их в кодифицирующем источнике. Другие являются сторонниками волевого, порой принудительного приписывания слову его орфограммы, не дожидаясь завершения естественного процесса освоения слова, и придания полученному таким образом написанию императивного статуса. Пока остается открытым вопрос о механизме принятия будущих решений таким коллегиальным органом, как Орфографическая комиссия РАН, но это дело будущего.

С п и с о к л и т е р а т у р ы

1. *Григорьева Т.М.* Три века русской орфографии. М., 2004.
2. *Грот Я.К.* Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. СПб., 1876.

3. *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. М., 1999.
4. *Кузьмина С.М.* Активные процессы в области русского письма. // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М., 2008. С. 399–412.
5. *Кузьмина С.М.* Проблемы нормирования орфографии и орфоэпии в условиях современной языковой ситуации // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002). М., 2003. С. 232–234.
6. *Лопатин В.В.* О «Правилах русской орфографии и пунктуации» // Лингвистические основы кодификации русской орфографии. М., 2009. С. 7–13.
7. *Мокиенко В.М.* О некоторых актуальных проблемах культуры русской речи // Тезисы Третьей всероссийской конференции «Кодификация норм современного русского языка: результаты и проблемы» (7–10 декабря 2011 г., Санкт-Петербург). http://www.zlat.spb.ru/CatalogImages/File/pdf/themes_2011.pdf.
8. *Нечаева И.В.* О шоп(п)инге, мини(-)вэне и тайнах орфографической кодификации // «Русский язык в научном освещении», 2012(а), № 1 (23). С. 72–89.
9. *Нечаева И.В.* О явлении и случаях двойной орфографической мотивации // Вопросы культуры речи. Вып. XI. М., 2012(б). С. 148–154.
10. *Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник.* / Российская академия наук. Отделение историко-филологических наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2006.
11. *Русский орфографический словарь.* / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. / Под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 2012.
12. *Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация (Проект)* / Российская академия наук. Отделение литературы и языка. Орфографическая комиссия. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2000.